

Л. Е. Болотин
УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ О САМОДЕРЖАВИИ

*Выражение идеи Самодержавия, а также идеологии
Христианской государственности в русской истории*

Большой интерес в православной части российской общественности к общественно-политической «технологии» так называемых «Земских Соборов» возник на рубеже 1980–1990-х годов в связи с поиском традиционного для России выхода из назревавшего системного государственного, идеологического, политического, финансового, экономического, демографического и общественного кризиса, которые можно обозначить и более традиционным для русской истории понятием — «Смута». В ту пору большая часть православной общественности и значительная часть рядового клира Русской Православной Церкви изначально и категорически не приняли идеалы «перестройки»¹. Затем они также отвергли идеологию развала СССР, десоветизации и демократизации, политику капиталистических финансовых, социально-экономических и юридических реформ.

В ходе многократных обсуждений возможных перспектив на различных общественных встречах и в собственной церковно-общественной прессе в 1989–1993 годах этот существенный слой российской общественности пришел к убеждению, что единственно возможным выходом из создавшегося системного

кризиса может быть подготовка, проведение Всероссийского Земского Собора и восстановление Православного Самодержавного Царства. Идеей нового «Земского Собора» по «традиционному» образцу в те годы были охвачены десятки тысяч православных мирян и значительное число священников на всей территории СССР.

Историческим примером для идеологии данного общественно-политического феномена 1989–1993 годов был Московский Собор 1613 года, восстановивший после Смуты 1605–1612 годов Русское Православное Самодержавие и поставивший на Престол Династию Романовых. Собственно говоря, Соборная клятва о верности принципам Православного Самодержавия и Царственному Роду Романовых, содержащаяся в Утвержденной Грамоте Собора 1613 года, была центре данного общественно-политического проекта. Надо отметить, что в значительной степени идеология этого церковно-общественного движения была сформулирована и исповедовалась частью русской монархической эмиграции в 1920–1980-х годах, и после «падения железного занавеса» она была живо воспринята православными в СССР как исконно русское духовно-политическое наследие.

Меня, как непосредственного участника того общественно-политического процесса², весьма заинтересовали исторические реалии и документы государственно-церковных совещаний второй половины XVI-го и XVII-го столетий, в отечественной историографии со второй половины XIX века получивших название «Земских Соборов». Собственно с 1989 года, после ознакомления с белоэмигрантской публицистикой, я начал собирать различные материалы, так или иначе относящиеся к Земским Соборам, с годами все более и более уделяя внимание собиранию публикаций сохранившихся источников, соборных документов.

Наиболее энергичным этот собирательный процесс был в пору моей работы в пресс-службе Его Высокопреосвященства Владыки Иоанна (Снычева), Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, в 1992–1995 годах, когда по благословию Владыки я готовил подборку документальных и историографических материалов в качестве информационной поддержки для труда Владыки Иоанна «Русь Соборная» (1995).

В 1999–2003 годах, уже будучи сотрудником пресс-службы Его Высокопреосвященства Владыки Вениамина (Пушкаря), Архиепископа Владивостокского и Приморского, я продолжил аналогичную собирательную работу. Тогда Владыка Вениамин готовил публикацию своих очерков об истории Церковно-Государственных Соборов.

Детальное ознакомление с историческим материалом позволило мне выявить, по крайней мере, для себя, ряд ложных мифологем о «Земской Соборности», которые возникли в публицистике и потом частично закрепились в историографии второй половины XIX — начала XX веков, а сейчас продолжают бытовать в некоторых православных общественно-политических течениях.

Сейчас в православной среде – в современном общественно-политическом сознании – феномен «Земской Соборности» утратил те широкие позиции,

которыми он владел в 1989–1993 годах. Но прихотливые повороты современной общественной жизни и неожиданные извивы нынешней политики могут возродить массовый интерес не только к идее Всероссийского Государственно-Церковного Собора, но и к имевшим хождениям ложным мифам о «Земской Соборности».

Поскольку все ложное и фантомное в политической и общественной жизни народа вредит оздоровлению его исторического национального самосознания, вредит политическому отрезвлению, мне бы хотелось по мере сил противопоставить этим ложным мифам нечто исторически обоснованное и фактически доказательное.

Утвержденная Грамота и другие документы, имеющие прямое отношение к Московскому Собору 1598 года, идейно, идеологически выразили особенности нового этапа государственного строительства, связанного с последствиями династического кризиса, и вместе с тем они наглядно засвидетельствовали полную духовно-политическую, генетическую преемственность этого этапа со всеми прежними историческими периодами нашей православной национальной государственности.

Я понимаю, что для объяснения материала, объяснения содержания соборных документов мне пришлось привлечь очень много Богословских цитат, что не принято в сугубо исторических исследованиях. Но эти Богословские цитаты выражают духовные *идеи*, которые в определенных условиях становились *политическими идеями* и таким образом активно влияли на сугубо *политические процессы*, которые являются предметом именно исторического исследования. Без обозначения этого Богословского и Церковно-исторического контекста невозможно понять ни структуру, ни содержание, ни механизмы политики той эпохи, невозможно понять ее политическую идеологию.

Рассмотрев основные духовно-политические идеи, идеологемы, традиционные титульные формулировки, устойчивые сакральные формулы и символы, мы видим: и главный Соборный Акт с Утвержденной Грамотой, и сопутствующие Соборные документы не содержат достаточно пространственных исторических, правоведческих и даже Богословских теоретических описаний Самодержавия. Нет здесь и кратких дефиниций, определявших, что такое Самодержавие, что такое Царский сан и Царское служение. Нельзя сказать, что таких теоретических описаний и дефиниций не было до этого в византийской и русской духовной литературе.

Напротив, наследие Богословских, исторических трудов, различных кодексов Восточной Римской Империи, наследие, которое в значительных объемах переводилось на церковно-славянский и русский языки на протяжении шести веков в Моравии, Сербии, Болгарии, Литве и, конечно, особенно масштабно в самой России, безусловно, было хорошо знакомо авторам соборных документов, Святителю Иову и его духовным сподвижникам.

Было известно им и наше отечественное литературное наследие, рассматривавшее суть Самодержавия и Царского служения, наследие, которое включает произведения Святителя Илариона Киевского, Даниила Заточника, слова и писания Московских Святителей Петра, Алексия, Киприана, Даниила, Макария,

Афанасия, богословские размышления Епифания Премудрого, проповеди Преподобных Сергия Радонежского, Иосифа и Досифея Волоцких, Максима Грека, и, наконец, труды первого Самодержавного Венчанного Царя Иоанна Васильевича Грозного, были вполне доступны для Патриарха и его ближнего круга.

Почему же в Соборных документах мы не видим этих теоретических рассуждений и дефиниций?

Предположительный ответ на этот вопрос может быть двояким.

Рассматривая обстоятельства Собора с **приземленной, прагматической точки зрения**, можно предположить, что введение в тексты Соборных документов слишком высоких и сложных Богословских дефиниций могло вызвать излишние обсуждения и среди высокообразованных участников Освященного собора, и кривотолки в мирянской среде, вызванные непониманием. Как говорил Святитель Геннадий (Гонзов) Архиепископ Новгородский и Псковский: **«Русский народ – как ребенок, он ненавычен в прениях о вере, поэтому еретиков надо топить, вешать и жечь»**. Детская простота многих соборян могла бы просто не вместить Богословские положения из Учения Церкви о Самодержавии, Царстве, Царе – Царе Небесном и Царе земном.

С другой стороны, не было никакой нужды специально в категориях и логических формулах объяснять для соборян, **что такое Самодержавие, в чем суть Самодержавного Царя и Его служения**. Все они видели это в своем державном бытии и в своей повседневной жизни. И вот в одночасье они лишились этого зримого, осязаемого, сердечно ощущаемого Образа!

Очевидно, что авторы Соборных документов поставили перед собою цель словом **изобразить** Самодержавие и Царское Могущество, а через этот Образ оказать духоподъемное действие и на соборян, и на приунывший народ. Свои же Соборные деяния они симфонически соединили с этим **изображением**. С такой **иконологической задачей** авторы Утвержденной Грамоты и других Соборных актов справились вдохновенно и с удивительным литературным мастерством. Их описания при этом выражали не только внешние и внутренние качества предмета, они выражали также идею Самодержавия, потому что их образы основывались не на свободном полете литературных чувств, но они канонически строго и твердо опирались и на Слово Божие, и на Священное Предание, на державное Богословие Византии, Руси, на законодательные кодексы и уставы, составившиеся под покровом Вселенского и Русского Православия.

Смею надеяться, что хотя бы частично мне удалось обосновать прямую связь образов из Соборных документов с церковным наследием византийских и русских православных писателей.

Эта проблема создала совершенно определенные трудности при осуществлении данной работы: при выявлении в Соборных документах того, что там логически *не сформулировано*, а *изображено*, мне пришлось прибегнуть к обильному цитированию больших фрагментов, к крупным **текстовым иллюстрациям**, из-за чего непомерно вырос объем данной работы. Но я, к сожалению, не смог найти

иного решения этой методологической проблемы: фрагментирование литературных образов до кратких словосочетаний – «определение-существительное-глагол», удаление весьма значимого контекста этих образов, неизбежно привело бы к их содержательному искажению и преобладанию исследовательской трактовки над замыслами, задачами и целями, которые ставили перед собою и решали авторы Соборных трактатов.

Может быть, с точки зрения современной исторической науки и ее методик, я серьезно ошибся, выбрав такие способы разбора идейного содержания текстов XVI столетия. Но в процесс самой работы я утвердился в своих исследовательских приемах и убежден, что исследования идейного содержания церковно-государственных и государственно церковных текстов XI–XVII веков требуют применения подобной громоздкой методики, иначе многие идеи окажутся упущенными, уйдут из поля внимания исследователя и не дойдут до пользователя продукта исследования.

Вместе с тем, я прошу прощения у моих коллег за, возможно, излишнюю самонадеянность и понуждение читать текст такого объема. Я признаюсь, что, формулируя тему тогда, когда я уже давно был знаком со всеми этими Соборными документами и примерно представлял ход исследовательской работы, но я совершенно не ожидал, что ее практическое воплощение выйдет таким громоздким. Когда же дело пошло, останавливаться было поздно.

Начиная со Святого Равноапостольного Царя Константина Великого, жизнь и деяния Христианского Государя понимались как особый, исключительный вид Богослужения, неразрывно связанного с церковным, храмовым Богослужением, но при этом неизмеримо далеко выходящим за пределы храмовых и монастырских стен.

Представим такую картину – в храме Епископ начинает совершать Божественную Литургию, ему сослужат несколько священников, дьяконов, иподьяконы и дьячки-алтарники. И вдруг среди этого сонмища в Алтаре начинается брожение, шепотные ссоры, недовольства, резкие безчинные движения. И даже грозные взгляды Владыки, тихие, но властные одергивания не прекращают сумбур, и более того, ропот некоторых сослужителей направляется и в адрес самого Владыки. А дело идет к Евхаристическому Канону... Возможно ли без каких-то крайних и исключительных мер завершить такую службу? Конечно, нет. Так вот и во время Царского Богослужения на просторах Православной Державы. Если Царский синклит начинает изменять Главному Служителю Помазаннику Божию, происходит сотрясение основ.

Совсем под конец я бы хотел сказать о главном, что для себя самого я уяснил, ясно увидел в процессе этой работы. Идея Самодержавия неразрывно связана с идеей верного не за страх, а за совесть служения Самодержцу, служения верноподданных Царю. Через все Соборные и сопутствующие Московскому Собору 1598 года документы красной нитью проходит постоянное опасение перед угрозой измены. Тут идеологическая стратегема этих текстов: защита от измены Царю, а через Него и государству, и православному народу. Тема измены

становится главной в Покаянном Соборе 1607 года. Одолению измены посвящены исторические описания Смуты в Утвержденной Грамоте 1613 года.

Что такое измена хорошо знал первый Русский Царь Иоанн Василевич Грозный. Суть измены чувствовал и понимал правитель Б.Ф. Годунов и Царь Борис Феодорович. К слову сказать, среди сонма самых страшных обвинений в адрес Царя Бориса нет ни одного обвинения в государственной измене или измене Православию. Соборное одоление повальной измены в 1613 году привело к одолению смуты, создало запас прочности для нашей Христианской государственности на три века.

Есть доказательство того, что Православное Самодержавие в основе своей имеет не политическую схему устройства власти, а природу сугубо духовную, основанную на искренней и глубокой вере.

Зададимся странным вопросом:

Пред чем бессильно Самодержавие?

Никакой внешний враг не может Его одолеть и свергнуть. Вся история иностранных нашествий на Россию, начиная с Царя Иоанна Васильевича Грозного и до Царя Николая Александровича свидетельствует, что временные поражения от супостата Самодержавная Россия может претерпевать. Но извне Самодержавие нерушимо. Внутренние мятежи и смуты также бессильны перед Самодержавием. Так называемые «крестьянские освободительные войны», начиная с Ивана Болотникова и до Пугачевщины, а от декабристов все бунты вплоть до революции 1905–1907 годов, не могли справиться с Самодержавием.

Самодержавие же бессильно только перед **вероломной внутренней изменой**. Это хорошо знал и понимал Первый Русский Царь. Стало это понятно и Святому Царю Мученику Николаю, который в ночь на 2 Марта 1917 года в Своем дневнике с горечью записал: «Кругом измена, и трусость, и обман».

Ни Мировая война, ни бунт в Петрограде не принесли бы победы революционерам. Главной причиной торжества революции 1917 года была вероломная измена ближайших Царских служителей: одни сослужители Государя прямо изменили Ему и Его делу, другие, которые должны были тотчас покарать этих изменников, трусили, а третьи обманули и Царя, и самих себя утверждением, что ничего сделать невозможно. И Епископ внешних дел – Русский Царь – прекратил Свое Державное Богослужение. Самодержавие как вера было сокрушено в сердцах российских подданных. А **образ** Самодержавия в виде иконы Божьего Вседержительства, конечно же, несокрушим.

По материалам газеты «Русь Православная».

[ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ Л.БОЛОТИНА](#)